

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Суворов И.К. Понятие юридического риска в современном российском правовом порядке // Юридические исследования. 2025. № 8. С. 31-49. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.8.75600 EDN: QQCGVJ URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75600

Понятие юридического риска в современном российском правовом порядке

Суворов Илья Константинович

аспирант; кафедра обязательственного права; Исследовательский центр частного права им. С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации

109012, Россия, г. Москва, Тверской р-н, ул. Ильинка, д. 6

✉ KSuvorov.work@yandex.ru

[Статья из рубрики "Договор и обязательства"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.8.75600

EDN:

QQCGVJ

Дата направления статьи в редакцию:

17-08-2025

Дата публикации:

24-08-2025

Аннотация: Статья посвящена исследованию риска как особой правовой категории, а также тех исторических предпосылок, которые сформировали ее содержание. Автор анализирует подходы к пониманию юридического риска, формы его нормативного закрепления и сфера применения соответствующих положений закона. Рассмотрение данного института ведется в контексте исторического развития представлений о юридическом риске – от римского права и пандектики до современных доктрин. Особое внимание уделяется нормативному закреплению юридического риска в положениях Гражданского кодекса Российской Федерации и его интерпретации Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 6 от 2020 года. Исследование направлено на поиск закономерностей в правилах распределения риска между сторонами обязательства, критериев разграничения правил о риске и о гражданско-

правовой ответственности сторон обязательства, а также отыскание места юридического риска в системе институтов российского обязательственного права. Методологическую основу работы составили историко-правовой, сравнительно-правовой и системный анализ разъяснений Верховного Суда Российской Федерации во взаимосвязи с положениями российского Гражданского кодекса. Практическая значимость такого подхода заключается в уточнении сферы применения правил о риске, что позволяет более чётко разграничить зоны ответственности и риска сторон такого правоотношения. Новизна исследования состоит в комплексной реконструкции риска как сугубо юридической категории и выявлении двойственной природы этого правового явления конкретно в российском правовом порядке. В результате автором демонстрируется, что в современном российском праве юридический риск функционирует в двух формах – риска убытков и риска неполучения встречного предоставления; они рассматриваются правовым порядком как частные случаи одного и того же исключения из общего правила о последствиях случайного наступления приводящей постоянной невозможности исполнения обязательства. Российская концепция юридического риска сочетает в себе отдельные черты традиций, начатых немецкой пандектистикой и теориями объективной гражданско-правовой ответственности XX века. При этом соответствующие разъяснения закона сохраняют целостность понятийного аппарата и внутреннюю системную согласованность, что позволяет рассматривать риск как явление с единым правовым содержанием. В заключение формулируется вывод о перспективах дальнейшего развития учения о юридическом риске в отечественной цивилистике.

Ключевые слова:

Риск убытков, Неполучение встречного предоставления, Обязательственное право, Невозможность исполнения обязательства, Гражданско-правовая ответственность, Синаллагма, *Periculum est emptoris*, Непреодолимая сила, Юридический случай, Договор купли-продажи

Рассмотрение любой правовой проблемы, которая в том или ином аспекте отсылает к понятию риска, всегда затрудняется неопределенностью самого этого понятия. Перегруженность данного термина множеством внеправовых, и, зачастую, не пересекающихся между собой значений отмечал еще В. А. Ойгензихт, говоря об этой особенности риска как одной из возможных причин отсутствия единого определения данного термина в европейских законодательствах начала XX века [\[4, с. 5-7\]](#).

В то же время в современной российской правовой науке вопрос о дефиниции данного термина достаточно часто не поднимается вовсе. Наиболее характерен этот подход для работ, посвященных узкоспециализированным вопросам гражданского права (см, например, [\[2\]](#), [\[6\]](#), [\[11\]](#)). Авторы таких работ как правило апеллируют к риску как к интуитивно понятной, самоочевидной и общеизвестной категории, не требующей дополнительных пояснений. В таких случаях под «риском» обычно понимается определенная типизированная угроза интересам кредитора или группа таких угроз. При такой трактовке «риск» используется как термин, указывающий на возможность наступления некоторого события, возникновение обстоятельства внешнего мира, на которое кредитор должен иметь возможность своевременно отреагировать, воспользовавшись теми или иными правовыми инструментами. Отсюда наиболее распространенным примером употребления термина «риск» являются ситуации, при которых кредитор может потерпеть имущественные потери (убытки) в связи с

наступлением известного события в будущем (например, банкротство должника, неудачное осуществление предпринимательской деятельности и т.п.).

Между тем, в описанном выше смысле риск не является элементом обязательственного правоотношения или каким-либо правовым явлением вообще. Эта трактовка риска лишь отсылает к некоторой универсальной взаимосвязи угрозы и последствий наступления какого-либо негативного события [\[14, с. 20\]](#). Она не объясняет, почему угроза наступления именно такого события должна иметь какое-либо юридическое значение вообще (или же в данном конкретном случае), какую юридическую квалификацию необходимо дать такому негативному событию, и какое влияние его наступление должно оказать на отношения сторон обязательства. Все эти обстоятельства автор вынужден пояснять отдельно для каждого конкретного случая своего обращения к понятию риска.

В отсутствие же такого объяснения соответствующее исследование теряет в своей объективности. Ведь если аргументация автора опирается на понятие с неидентифицируемым значением, то все полученные таким образом выводы невозможно как-либо верифицировать или фальсифицировать. Кроме того, отсутствие четкого смыслового наполнения у данного термина все более расширяет сферу его возможного применения. Поэтому с каждым таким расширением установить значение термина «риск» в конкретном случае его применения становится кратно сложнее.

Между тем история развития представлений о юридическом риске демонстрирует, что на сегодняшний день в частноправовой науке оформился относительно устойчивый консенсус относительно того, какие правовые механизмы и явления следует именовать риском, какова их роль в регулировании обязательственных отношений и как они взаимосвязаны с иными элементами правовой системы.

В российском правопорядке эти представления получили нормативное закрепление в тексте Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств». Поэтому на сегодняшний день в российском гражданском праве основным препятствием для развития общего учения о юридическом риске является даже не размытость дефиниции данного термина, а неопределенность границ, до которых возможно применение такого определения и соответствующих ему юридических механизмов. К разрешению данной проблемы и обращена настоящая работа.

Основные исторические формы представлений о юридическом риске

1. Чтобы надлежащим образом описать то явление, которое современный российский правопорядок именует риском, целесообразным будет вписать это явление в общий исторический контекст развития представлений о юридическом риске.

Первоначальная разработка данного понятия была обусловлена поисками ответа на вопрос о том, почему в многочисленных отрывках древнеримских текстов последовательно воспроизводится правило, согласно которому покупатель остается обязан заплатить продавцу полную стоимость товара даже если после заключения договора купли-продажи товар будет случайно поврежден или уничтожен. Устойчивость данного нормативного решения (получившего, впоследствии, наименование *periculum est emptoris*) в источниках и, при этом, отсутствие каких-либо обоснований или аргументов в его пользу со стороны древнеримских юристов составляло проблему для ученых-романистов.

Постановку указанной проблемы и начало дискуссии о юридическом содержании риска некоторые иностранные авторы [\[25, с. 70; 23, с. 632\]](#) связывают с работой К. Г. Вэхтера [\[24\]](#), где автором предпринимается попытка вписать обсуждение риска в контекст обязательственных отношений в целом, а не только купли-продажи. Убедительная историческая реконструкция Д. В. Дождева [\[7, с. 401–408\]](#) демонстрирует, что после этого, уже ко второй половине XIX века правовое значение и содержание риска становится вопросом, который широко обсуждается в немецкой пандектистике. В данном контексте слово «риск» (*Gefahr*) впервые начинает использоваться в техническом значении, отсылающем именно к этой, описанной в источниках ситуации, а «несение риска» (*Gefahrtragung*) означает такое юридическое свойство покупателя, в силу которого тот обязан нести имущественные потери при возникновении ситуации регулируемой правилом *periculum est emptoris*.

На данном этапе исследование риска как специфической правовой категории ведется в двух основных направлениях. Обсуждается, во-первых, влияние случайной гибели предоставления (то есть объекта задолженности, получение которого кредитором погашает соответствующее обязательство надлежащим исполнением) на состояние одностороннего обязательства. Во-вторых, исследуется вопрос о том, в какой степени кредитор по двухстороннему обязательству остается вправе требовать изначально согласованное предоставление от должника, если в результате случайного события сам этот кредитор освобождается от собственной обязанности по предоставлению [\[25, с. 70\]](#).

Первоначально обсуждение данных вопросов не выходит за рамки договорных отношений продавца и покупателя. Еще в начале XX века неэквивалентность и несправедливость того правового результата, к которому приводит применение правила *periculum est emptoris*, объясняется тем, что данное правило является исключением, которое применимо лишь к купле-продаже и иным обязательствам, структурированным схожим образом (например, мена и дарение *sub modo* [\[17, с. 499–500\]](#)).

Занимательно, также, что одним из ключевых аргументов в пользу несправедливости данного правила являлось несоответствие последствий применения правила *periculum est emptoris* принципу условной синаллагмы, согласно которому во взаимном (синаллагматическом) обязательстве если обязанность одной стороны (например, осуществить согласованное предоставление в пользу другой стороны) прекращается, то прекращается и встречная ей обязанность другой стороны [\[9; 10\]](#). В свою очередь, сам данный принцип был выработан А. Бехманном также в результате анализа структуры обязательства по договору купли-продажи [\[7, с. 400\]](#).

Помимо двух описанных выше вопросов, интерес для исследователей риска представляет также и конкретный критерий, исходя из которого древнеримские тексты возлагали риск на покупателя с момента заключения договора и завершенности (перфекции [\[7, с. 435–442\]](#)) обязательства. Поиски данного критерия со временем приводят к формированию относительно устойчивой типологии механизмов распределения риска между сторонами взаимного (синаллагматического) обязательства [\[20, с. 8–15\]](#). После этого дискуссия ведется уже лишь о том, какой из этих механизмов в наибольшей мере отвечает интересам сторон и соответствует самой структуре взаимного обязательства.

В результате обсуждений, длившихся около двух сотен лет [\[23, с. 631–632\]](#), все многообразие предложенных за это время обоснований и правовых решений сводится в

единое общее мнение. И уже к началу 1960-х гг. П. Филиос [\[20, с. 3-9\]](#) и Г. Айзер [\[21, с. 3-4\]](#) указывают на то, что несение риска (иначе называемого *periculum obligationis*) является техническим термином, который означает, что для всякого действительного, не полностью исполненного и взаимного обязательственного отношения верно следующее: кредитор несет «риск предоставления» (*Leistungsgefahr*), связанный с невозможностью или неспособностью должника выполнить свою часть обязательства; должник же (по общему правилу) несет зеркальный по своему содержанию «риск встречного предоставления» (*Gegenleistungsgefahr*) в отношении кредитора и его обязанностей по взаимному обязательству.

Оба этих «риска», таким образом, составляют частные проявления общего правила §323 Германского Гражданского уложения (ГГУ), которое к этому моменту действует уже чуть дольше полувека. В силу данной нормы, если согласованное по взаимному договору предоставление одной из сторон становится невозможным в силу обстоятельств, которые ни она, ни другая сторона не должны были предвидеть, то такая первая сторона теряет право требования в отношении встречного предоставления. Указание данной нормы на непредвидимый (*zu vertreten*) характер обстоятельств, сделавших исполнение обязательства невозможным, подразумевает, что такие обстоятельства имеют случайный характер (о предвидимости как критерии юридического случая см. [\[12\]](#)).

Следовательно можно сказать, что термин «риск» в обозначенном контексте имеет одновременно два значения. Во-первых, «риском» называется угроза наступления таких ситуаций, где кредитор потерпит имущественный вред, состоящий в случайно наступившей невозможности должника осуществить согласованное сторонами предоставление и, следовательно, исполнить договорное обязательство. Во-вторых, под риском понимается и само юридическое обременение, в силу которого закон возлагает на кредитора обязанность самостоятельно претерпевать имущественные потери, возникающий при «материализации» таких угроз, то есть в результате их превращения из гипотетической вероятности в реально возникшие убытки. Как правило, при обсуждении риска и механизмов его распределения немецкоязычными авторами подразумевается именно последнее, более техническое значение термина.

Попытоживая можно сказать, что термин «риск» в данной традиции одновременно описывает определенный тип юридических ситуаций (случайно наступившая на стороне должника невозможность исполнения обязательства, воспринимаемая как ущерб на стороне кредитора) и, при этом, адресует последствия их наступления конкретной стороне обязательства (кредитору). В таком понимании риск используется для описания отношений сторон всякого взаимного двухстороннего обязательства.

Насколько нам известно, мнение немецкой юридической науки по данному вопросу остается таким же и впредь. Даже несмотря на прошедшую в 2002 г. реформу общих положений ГГУ о невозможности исполнения обязательства [\[22, с. 7-54\]](#), представления о правовом значении риска и его роли применительно к отношениям сторон взаимного двухстороннего обязательства остаются неизменными. Важное значение в обеспечении этой стабильности, как кажется, сыграла неизменность положений §§446-447 ГГУ, которые устанавливают общие правила немецкого правопорядка о распределении риска в договоре купли-продажи – модельной ситуации и прародителе современных представлений о юридическом риске.

2. В то же время, параллельно с традицией, рассматривающей юридический риск как ответ на вопрос о судьбе встречных предоставлений во взаимном двухстороннем

обязательстве при наступлении случайной невозможности его исполнения, в европейской юридической науке существовало еще одно направление мысли, которое разрабатывало риск как самостоятельную правовую категорию. Данное направление можно крайне условно назвать учением об объективной гражданско-правовой ответственности [\[4, с. 13-14\]](#). Ему соответствовало понимание риска как субститута вины, объяснявшего феномен так называемой «строгой» ответственности.

Достаточно сложно отследить конкретный исторический период, автора или работу с которых начинает зарождаться такое понимание юридического риска. Однако можно предположить, что на ее становление повлияла проблематика, поднимаемая, в частности, Е. В. Пассеком в работе, посвященной понятию непреодолимой силы в гражданском праве [\[5\]](#).

Автор указывает на то, что в современной ему романистике (конец XIX века) все больше споров вызывала сфера применения общего принципа римского права о возложении на должника гражданско-правовой ответственности только за субъективно-виновное нарушение обязательства. Названные сомнения обусловлены, с одной стороны, последними достижениями в области изучения института непреодолимой силы, а с другой – относительной теоретической неразработанностью данного института, основной сферой применения которого до недавнего времени выступало учение о повышенной ответственности корабельщиков, содержателей гостиниц и постоялых дворов.

Как следует из комментариев Е. В. Пассека, такая повышенная ответственность названных категорий лиц была установлена преторским эдиктом *de recepto*. По общему правилу она состояла в безусловной ответственности (понимаемой здесь в смысле ответственности не только за собственную вину, но и за случай, то есть в пределах *custodia* [\[8, с. 494-500\]](#)) за пропажу или повреждение имущества, принятого от контрагентов (пассажиров и постояльцев) в ходе исполнения соответствующего договорного обязательства. Исключение составляли лишь ситуации, в которых причинение вреда имуществу пассажиров и постояльцев происходило в результате действия обстоятельств непреодолимой силы (*damnum fatale* или, что то же, *vis major*). За события такого рода ответственность не наступала.

Таким образом, заключает Е. В. Пассек, общее правило эдикта *de recepto* о привлечении корабельщиков, содержателей гостиниц и постоялых дворов к гражданско-правовой ответственности строилось не по традиционной схеме гражданского права (ответственность только при наличии вины за исключением ряда конкретных случаев), а по своей собственной – устанавливался общий принцип безусловной ответственности данных лиц за нарушение обязательства и единое абстрактно сформулированное исключение (наличие обстоятельств непреодолимой силы).

Как можно заметить, уже в данной работе поднимается вопрос о том, каким образом следует определять область, в которой имеет место гражданско-правовая ответственность, или, иначе говоря, «как можно установить точные границы, до которых она простирается» [\[5\]](#). Постановка данного вопроса ставит под сомнение и роль вины как основополагающего элемента учения о гражданско-правовой ответственности. Впоследствии именно попытки выявления границ, в которых должна простирается сфера такой ответственности, и приводят к включению понятия «риск» в разрабатываемые французскими правоведом теории объективной ответственности, или, что то же, ответственности за причинение [\[4, с. 3-19\]](#).

По свидетельствам В. А. Ойгензихта трактовка риска как критерия привлечения к гражданско-правовой ответственности находила свое оправдание в широко распространившейся к концу XIX века идее, согласно с которой сам факт причинения вреда должен обязывать лицо к восстановлению ущерба. Появление данной идеи было обусловлено не столько развитием представлений о риске, сколько кризисным состоянием учения о виновной ответственности. Предлагаемые классической теорией правовые решения перестали восприниматься в качестве эффективных и справедливых, а неопределенность понятия «вины» ставила вопрос о критериях разграничения гражданской-правовой и уголовной ответственности за причинение вреда.

Обоснования вышеобозначенного общего правила о строгой ответственности, в свою очередь, были различны. Причем как в части приводимых в пользу данного правила аргументов, так и в части предлагаемой степени строгости самого правила. Так, наиболее строгая трактовка (теория «интегрального риска») предполагала, что простого факта причинения вреда достаточно, поскольку того требуют соображения справедливости, – материальные потери жертвы нужно всегда возлагать на причинителя, причем даже в случаях, когда такой вред наступил случайно. Во французском праве это правило приобрело еще более универсальную формулировку: «всякий кто действует, должен нести на себе риск случайных последствий своей деятельности» [\[4, с. 21\]](#).

Некоторые теории, развивавшиеся в том же ключе, предлагали критерии, нацеленные на ограничение сферы действия общего правила о строгой ответственности лица, обремененного риском. Среди таких критериев наибольшее признание получил Принцип выгоды (*le profit*), согласно которому возложение на причинителя вреда ущерба возможно только если действия такого лица приводят к получению им выгоды. Однако в дальнейшем Принцип выгоды утратил значение критерия, позволявшего отграничить случаи, где допустимо объективное вменение ответственности. Напротив, он стал использоваться в качестве обоснования общего правила о возможности привлечения к строгой ответственности за всякий ущерб, причиненный третьим лицам при осуществлении приносящей доход деятельности.

В России на подмену понятия вины риском значительное влияние оказал принятый 2 июня 1903 года закон «О вознаграждении за увечье и смерть в промышленных заведениях частных и общественных», который предписывал владельцам предприятий компенсировать рабочим ущерб, возникший в результате несчастного случая на производстве. Предприниматель мог освободиться от обязанности по возмещению ущерба только если докажет, что несчастный случай произошел вследствие умысла потерпевшего или его грубой неосторожности, которую нельзя оправдать «условиями и обстановкою производства работ» [\[1\]](#). Данным шагом законодатель снял бремя возмещения вреда, причиненного при осуществлении заведомо опасной производственной деятельности (так называемый «профессиональный риск»), с государства. Оно было возложено на собственника имущества, в процессе эксплуатации которого (для последующего извлечения собственником доходов) и произошел несчастный случай.

Такая ответственность приобретала личный характер (то есть обременяла не само предприятие, а его владельца) и была строгой (то есть не учитывала вину). При этом, как указывает А. М. Нолькен, замысел законодателя состоял в том числе в возложении на предпринимателей обязанности по возмещению ущерба, причиненного действием непреодолимой силы [\[3, с. 33\]](#). Правовое обоснование данного законодательного

решения в современной ему юридической литературе В. А. Ойгензихт описал следующей фразой: «лицо, получающее от предприятия барыши, должно нести и связанные с этим предприятием убытки» [\[4, с. 25\]](#). Это же логика распространялась и на вред, причиненный в ходе эксплуатации железных дорог или морского транспорта. Причем как пассажирам, так и третьим лицам.

Таким образом к началу XX века строгая ответственность за случай, вдохновленная учением о профессиональном риске, интегративной теорией риска и иными подобными теориями, рассматривалась в качестве необходимого дополнения статуса собственника. Уже к 1930-м гг. неразрывная связь риска, получения прибыли лицом, которое обременено риском, и его статуса как собственника имущества, при эксплуатации которого причиняется вред третьим лицам, не вызвала сомнений в советской юридической литературе [\[19, с. 142\]](#).

В то же время названные теории по-разному видели конкретное место риска в системе отношений причинителя вреда и потерпевшего. Само понятие риска в рамках таких теорий по большей части сводилось к юридическому обременению конкретного лица обязанностью возместить потерпевшему вред, который был причинен тому виновно (со стороны лица, обремененного риском) или случайно. Тем самым риск являлся не только субъективным критерием возложения на лицо гражданско-правовой ответственности, но и описывал пределы такой ответственности. Однако в каких отношениях должны были находиться между собой носитель риска и потерпевший, какое лицо могло быть признано потерпевшим, и на основании какого критерия выбиралось обремененное риском лицо, – на все эти вопросы различные теории отвечали по-разному.

Наиболее наглядной иллюстрацией этой проблемы, на наш взгляд, являлась так называемая «теория сфер», пользовавшаяся успехом во второй половине XX века [\[4, с. 36\]](#). Основная идея данной теории заключалась в распределении между работодателем и работником негативных последствий случая в зависимости от того, из какой сферы производственного цикла происходит соответствующее обстоятельство. В частности, к риску работодателя относились все угрозы, обусловленные спецификой производства, а также стихийные бедствия и действия органов публичной власти. К риску работника же относились забастовки и иные коллективные действия, в результате которых не выплачивается заработная плата.

Тем самым, в контексте данной теории риск обозначал одновременно обременение одной стороны обязательства угрозой возникновения внедоговорных имущественных потерь (обязанности компенсировать травму на производстве при несчастном случае), и, в то же время, обременение другой стороны обязательства угрозой возникновения потерь в связи с наступлением на стороне первой стороны невозможности исполнения обязательства (в частности, неполучение заработной платы ввиду приостановки производства на период забастовки). Этот пример хорошо демонстрирует, как две ключевые черты учения об объективной ответственности, – замещение вины понятием риска и перенос вопроса о содержании данного понятия из области обязательственного в область вещного права, – в конечном итоге приводят к полной утрате каких-либо ориентиров в понимании риска как категории с единым правовым содержанием.

Итог развитию данных тенденций в рамках российской юридической науки подводит Ф. А. Вячеславов, который делает вывод о том, что все представления о юридическом риске, существующие в российской юридической науке к началу XXI века, можно глобально разделить на две большие группы [\[14, с. 13-14, 19-24\]](#). Первую группу автор

условно называет «субъективной теорией риска» и относит к ней все представления, согласно которым риск является аналогом вины, в той или иной степени допускающим возложение на обремененное риском лицо сопряженной с этим риском гражданско-правовой ответственности. Вторая же группа представлений составляет «объективную теорию риска», сторонники которой указывали на отсутствие связи между возникновением негативных последствий на стороне обременённого риском лица и его поведением, но так и не смогли выработать какого-либо единого определения юридического риска.

Однако насколько нам известно, на сегодняшний день субъективная теория риска (так же, как и какая-либо новая теория, которая бы объединяла в себе основные выводы описанных выше групп) так и не получила дальнейшего развития в современной российской юридической науке.

Таким образом, последовательное разворачивание идей, лежащих в основе учения об объективной ответственности, демонстрирует, что предлагаемая в рамках него трактовка юридического риска не имеет какого-либо единого содержания. Под «риском» в рамках этой традиции имеется ввиду юридическое обременение, с возложением которого на лицо вне зависимости от наличия в том его вины оно становится субъектом гражданско-правовой ответственности за вред, причиняемый другому лицу. При этом не всегда имеет значение, связывает ли причинителя вреда и потерпевшего какое-либо договорное, деликтное или обязательственное правоотношение вообще. Также учение об объективной ответственности не дает четкого ответа на вопрос о том, возможно ли привлечение обремененного риском лица к ответственности за вред, причиненный обстоятельствами непреодолимой силы.

Юридический риск как элемент российской правовой системы

1. Все сказанное далее необходимо, на наш взгляд, предварить следующим методологическим замечанием: традиционное для российской юридической науки представление о том, что судебная практика не является источником гражданского права, тем не менее, не умаляет значения разъяснений высших судов. Их деятельность выполняет критическую по отношению к положениям строгого права роль в том смысле, что высшие суды восполняют существующие в законодательстве пробелы и раскрывают действительное содержание абстрактно сформулированных норм права в их системной взаимосвязи. Поэтому изучение представлений о юридическом риске, которые на сегодняшний момент реально сложились в российском правовом порядке, невозможно без учета основных выводов правоприменительной практики по данному вопросу. Сочетание данных выводов и положений закона образует собой ту общую картину, которая именуется российским правовым порядком. И в этом смысле можно сказать, что представления российского правового порядка о содержании и значении юридического риска во многом опираются на две описанных выше исторических традиции.

Как становится ясно из пункта 39 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» (далее – Постановление № 6), нормы закона, в которых описывается возложение риска на сторону обязательства, составляют исключения из общего законодательного правила о влиянии случайной привходящей постоянной невозможности исполнения обязательства на отношения его сторон (ст. 416 ГК РФ).

Таким образом, по общему правилу стороны обязательства освобождаются от встречных

обязанностей по обязательству, если оно становится объективно и постоянно невозможным к исполнению, а за наступление такой невозможности не отвечает ни одна из сторон. Постановление № 6 содержит специальные критерии, на основании которых невозможность исполнения возможно квалифицировать в качестве постоянной и(или) объективной. Тем не менее в случае, если сторона обязательства обременена риском, то при наступлении подобной невозможности исполнения обязанность такой стороны либо не прекращается несмотря на то, что встречная обязанность прекратилась (риск неполучения встречного предоставления), либо возникает новая обязанность – возместить убытки (риск убытков).

Это двухчастное деление интересно тем, что оно преподносит в качестве эквивалентных две концептуально различные модели риска. Риск неполучения встречного предоставления, как можно понять из его описания, наследует дискуссии пандектистов о судьбе предоставлений во взаимном двухстороннем обязательстве. То есть сводит основное последствие возложения риска к разрыву функциональной синаллагматической связи встречных предоставлений. В свою очередь, риск убытков представляет собой упрощенное описание учения об объективной ответственности, где риском называется юридическое обременение одного лица обязанностью возместить имущественный вред, причиненный другому лицу, хотя бы тот и возник в отсутствие вины обремененном риском лица.

2 . Принятое российским правопорядком решение установить единый термин для обозначения риска, связанного с угрозой потери предоставления контрагента, на наш взгляд является более удачным, чем тот понятийный аппарат, который устоялся в немецкой правовой науке.

С теоретической точки зрения установление двух различных терминов для обозначения правового механизма, который имеет одинаковый принцип работы и идентичные правовые последствия независимо от того, какая сторона обязательства его задействует, бессмысленно. Таким образом подобный подход не соответствует принципу интеллектуальной экономии (бритвы Оккама) и не способствует лучшему проникновению в суть того явления, которое данные термины должны описывать. Схожие замечания, по свидетельству Д. В. Дождева, дает и М. Таламанка, который видит прямую взаимосвязь между неопределенностью современной теоретической концепции юридического риска и осуществлённым в пандектике дроблением единого понятия «риск» на ряд специальных терминов [\[7, с. 414\]](#).

С практической же точки зрения предлагаемый Постановлением № 6 общий термин «риск неполучения встречного предоставления» напрямую отражает единство правового режима таких предоставлений в действующем российском законодательстве (ст.328 ГК РФ). В частности, ни одна из сторон обязательства, по условиям которого предусмотрено встречное исполнение, по общему правилу не вправе обратиться в суд с требованием к другой стороне об исполнении ее обязанностей в натуре, если сама не предоставила причитающегося с нее по обязательству. Предусмотренные законом меры воздействия на неисполняющую сторону (приостановление собственного исполнения, односторонний отказ от исполнения своих обязанностей, предъявление требований о возмещении убытков) также в равной степени принадлежат обеим сторонам взаимного обязательства. Таким образом, в российском правопорядке каждая сторона взаимного обязательства по общему правилу обладает одинаковым правовым инструментарием в вопросах получения встречного предоставления, а сами предоставления сторон в таком обязательстве юридически равнозначны друг другу.

К этому, также, стоит добавить, что придание риску статуса общего правила, применимого ко всякому кредитору во взаимном двухстороннем обязательстве, на самом деле не способствует лучшему пониманию данного правового института. Несмотря на устранение противоречия между статусом риска как исключения, обусловленного специфической правовой природой купли-продажи, и тем фактом, что само это общее правило тоже было выведено из обязательства купли-продажи, немецкая доктрина по существу оставила неразрешенным вопрос о том, в силу каких причин (и в какой момент) риск возлагается на ту или иную сторону обязательства. Данный вопрос стал достоянием дискуссии о механизмах переноса риска в договоре купли-продажи. А сама эта дискуссия, в свою очередь, устранилась от поиска дефиниции риска.

Итогом же этой дискуссии, как следует из посвященной ей монографии П. Филиоса [\[20\]](#), стало ранжирование основных моделей переноса риска между собой по степени их соответствия, с одной стороны, интересам сторон договора, а с другой – принципу синаллагмы. Таким образом, в немецкой правовой теории понятие риска (Gefahr) свелось к техническому термину, описывающему, по большей части, сами правовые последствия случайного наступления невозможности исполнения обязательства, которые ложатся на каждую из сторон такого обязательства. Эти последствия могут быть, затем, переадресованы другой стороне в предусмотренных законом случаях и пределах. Поиск наиболее справедливого сочетания таких оснований, а также пределов распределения риска и составляет для автора наибольший интерес [\[20, с. 21–22\]](#).

В этом смысле прочтение риска как исключения из общего правила, а не правового последствия применения такого правила, и единство терминологии, используемой при описании данного явления, сближают российское понятие юридического риска с античным. В свою очередь, это открывает дорогу для дальнейшего изучения риска как комплексного явления с единым правовым содержанием.

3. Системное прочтение разъяснений Постановления № 6 с положениями статей 401, 404, 416, 417 ГК РФ указывает на то, что вина не является необходимым условием для возникновения у лица, обремененного риском убытков, соответствующей обязанности по возмещению имущественного вреда.

По общему правилу, если одной из сторон обязательства можно поставить в вину его исполнение (в том числе, ввиду невозможности исполнения), то применению должны подлежать положения закона об ответственности сторон за нарушение обязательства (п.1 ст.401, п.1 ст.404 ГК РФ). Древнеримское право объясняло этот эффект через процессуальную фикцию, в силу которой при просрочке должника обязательство юридически не могло прекратиться невозможностью его исполнения (увековечение обязательства) [\[8, с. 513–514; 18, с. 295–296, 299\]](#). Тем самым после наступления просрочки случайная гибель объекта долга приравнивалась для должника к добровольному неисполнению, хотя бы он и не был виноват в этом.

Такое объяснение тем уместнее, что согласно пункту 40 Постановления № 6, упомянутые в нем виды риска по умолчанию возлагаются на сторону обязательства, которая находится в просрочке его исполнения. В таком случае указание соответствующих разъяснений на «возникновение» у обремененного риском лица обязанности по возмещению убытков воспроизводит принцип работы юридического механизма переквалификации первичного исполнения (требования о получении предоставления, долга или Shuld), во вторичное (требование о возмещении убытков, ответственность или Haftung), которая происходила при нарушении должником обязательства [\[8, с. 483, 504–](#)

[5051](#).

Если же при наступлении невозможности исполнения отсутствует вина обеих сторон обязательства, то это приводит к такому правовому последствию как прекращение этого обязательства (ст.416 ГК РФ). То есть отсутствие вины сторон обязательства выступает необходимым условием применения общего правила. Исключением именно из этого правила о *последствиях* безвиновно наступающей невозможности исполнения обязательства и является риск убытков (п.п. 36, 39 Постановления № 6). Для обремененной риском стороны меняются правовые последствия такой невозможности (возникновение обязанности по возмещению убытков), но не условия их применения (в том числе – отсутствие вины).

В то же время, необходимо отметить, что Постановление № 6 прямо не разъясняет, как в каждом конкретном случае должно определяться, какой вид риска (и соответствующие ему правовые последствия невозможности исполнения обязательства) возлагается на просрочившего должника.

Единственным ориентиром при решении данного вопроса является указание пункта 40 Постановления № 6 на то, что с момента совершения правонарушения делинквент несет риск наступлении невозможности возмещения причиненного им вреда в натуре и остается обязанным возместить убытки (абз. 2). Иными словами, статус причинителя вреда в деликтном обязательстве приравнивается к положению должника, находящегося в просрочке, из-за чего он несет риск убытков с момента накопления соответствующего юридического состава [\[13\]](#). При этом правовые последствия наступления постоянной и объективной приводящей невозможности исполнения для сторон договорного обязательства могут устанавливаться специальными нормами о соответствующих договорных типах (абз. 3).

Таким образом, можно предположить, что указанный пункт Постановления № 6 подразумевает, что риск убытков по умолчанию возлагается на просрочившего должника во всяком одностороннем обязательстве (то есть таком, где лишь одна из сторон является должником другой стороны), а риск неполучения встречного предоставления – во всяком двухстороннем (где каждая сторона обязательства является одновременно и кредитором, и должником другой стороны).

Это же предположением может объяснять и предложенную Постановлением № 6 типологию рисков: ранее уже указывалось, что в двухстороннем обязательстве предполагается, что неполучение кредитором изначально согласованного исполнения составляет для него имущественный ущерб. Поэтому при наступлении невозможности исполнения обязательства с точки зрения кредитора нет принципиальной разницы в том, сохраняется ли у должника обязанность предоставить согласованный объект обязательства, или появляется обязанность возместить ущерб в объеме, эквивалентном своевременному предоставлению такого объекта. Кредитор в любом случае не потерпит ущерба, поскольку любое негативное последствие случайного события будет ему компенсировано. В то же время, должник в любом случае окажется в убытке (не получив предоставления или потеряв в имуществе, за счет которого будут возмещены убытки).

Однако в таком случае остается не вполне ясно, вписываются ли в это правило ситуации, где риск убытков ложится на кредитора по одностороннему обязательству (например, ввиду просрочки принятия исполнения), и если да, то как размер таких убытков соотносится с гипотезой статьи 404 ГК РФ.

4. Дополнением к общему принципу ГК РФ о виновной ответственности должника за нарушение обязательства выступает правило об ответственности предпринимателей (п.3 ст.401 ГК РФ), которое строится по схеме, идентичной ответственности корабельщиков, содержателей гостиниц и постоянных дворов в эдикте *de recepto*: она наступает независимо от наличия вины, но не выходит за пределы обстоятельств непреодолимой силы.

В то же время, необходимо отметить, что само понятие непреодолимой силы в тексте Постановления № 6 имеет не то же значение, какое ему придает Е. В. Пассек, называя непреодолимую силу специальным (квалифицированным) видом случая [\[5\]](#). В Постановлении Пленума от 24.03.2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» Верховный суд Российской Федерации (далее – Постановление № 7) под непреодолимой силой имеется ввиду модельное обстоятельство, приводящее к объективной и постоянной невозможности исполнения обязательства. По этой причине часть называемых в Постановлении № 7 признаков непреодолимой силы по своему содержанию пересекаются с признаком «объективного характера» всякой невозможности исполнения, которая, в соответствии с положениями статей 416 и 417 ГК РФ, прекращает обязательство [\[16, с. 198-199\]](#).

В литературе указывается на то, что пределом ответственности предпринимателя в российском гражданском праве следует считать события, которые не могут предотвратить никакие третьи лица [\[16, с. 200\]](#). Однако в пункте 8 Постановления № 7 классические критерии разграничения зон ответственности и случая (непредвидимость), а также случая и непреодолимой силы (чрезвычайная непредотвратимость) [\[15, с. 575-576\]](#), характеризуют только непреодолимую силу. В тексте Постановления № 7 они называются, соответственно, «чрезвычайностью» и «непредотвратимостью». Тем самым, Верховный суд Российской Федерации фактически называет обстоятельством непреодолимой силы (которое и освобождает предпринимателя от ответственности) любой юридический случай. Подобное правовое регулирование, в свою очередь, совпадает с общим режимом виновной ответственности за нарушение обязательства. В связи с чем к настоящему моменту действительные пределы ответственности предпринимателей за нарушение обязательства по российскому гражданскому праву остаются не вполне понятны.

С учетом вышесказанного справедливо будет отметить, что описанную в Постановлении № 6 обязанность лица, обремененного риском убытков, возместить соответствующие имущественные потери не следует отождествлять с институтом строгой (не учитывающей вину) гражданско-правовой ответственности.

Так, даже если рассматривать положения пункта 3 статьи 401 ГК РФ сквозь призму классических представлений о разграничении зон ответственности, случая и непреодолимой силы, то согласно тексту разъяснений Постановления № 7 для привлечения предпринимателя к ответственности за нарушение обязательства закон все равно будет требовать, чтобы на стороне данного лица присутствовали все иные критерии привлечения к ответственности кроме вины (факт неисполнения или ненадлежащего исполнения должником обязательства, возникновение у кредитора убытков, наличие причинно-следственной связи между данными обстоятельствами).

В свою очередь, условиями возникновения обязанности возместить убытки другой стороне обязательства при наступлении невозможности его исполнения являются лишь

несение лицом соответствующего риска и просрочка как предпосылка для его возложения. Как и в теориях, лежащих в основе учения об объективной ответственности, риск убытков в Постановлении № 6 не отсылает к каким-либо единым правилам установления объема подлежащих возмещению убытков, пределов, в которых возможно возложение такой обязанности, конкретных причин или способа установления лица, обременяемого такой обязанностью.

Тем самым, обязанность лица, обременённого риском убытков, по возмещению имущественного ущерба другому лицу в действительности не является частью предусмотренного ГК РФ механизма привлечения должника к ответственности за нарушение обязательства. Единственное, что их связывает, – общность терминологического аппарата, используемого для описания подлежащих к возмещению имущественных потерь (убытков). В остальном же данная обязанность (как и весь институт юридического риска в целом) представляет из себя исключение из общего правила ГК РФ о правовых последствиях случайно наступившей невозможности исполнения обязательства.

Заключение

Понятие риска в современном российском правовом порядке имеет самостоятельное юридическое значение, которое было закреплено в правовой системе посредством нескольких последовательных разъяснений Верховного суда Российской Федерации.

Согласно данным разъяснениям под риском следует понимать специфическое юридическое обременение стороны обязательства, в силу которого обязанности такого лица по обязательству не прекратятся с наступлением постоянной невозможности его исполнения по причинам, за которые не отвечает ни одна из сторон. Вместо этого у обремененного риском лица либо появится обязанность возместить другой стороне убытки, причиненные наступившей невозможностью исполнения обязательства, либо сохранится обязанность предоставить изначально согласованный сторонами объект обязательства, невзирая на отсутствие какого-либо встречного предоставления. По общему правилу такие обременения возлагаются на сторону обязательства, находящуюся в просрочке его исполнения. Однако положения ГК РФ об отдельных типах договоров могут устанавливать и иные правила, специальные по отношению к общему.

Возникновение у стороны обязательства обязанности по возмещению убытков наступает в результате возложения на нее риска убытков. Конструкция данного юридического обременения наследует разработанным в XX веке теориям риска как предпосылки возложения на лицо объективной гражданско-правовой ответственности, то есть за простой факт причинения вреда.

При этом, как показывает системное прочтение разъяснений высшей судебной инстанции с соответствующими положениями ГК РФ, в российском правовом порядке риск убытков не дополняет положения закона, регулирующие привлечение к гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательства. Институт риска игнорирует иные реквизиты возложения на лицо подобной ответственности, а не только наличие или отсутствие вины, и применим к любой стороне одностороннего обязательства, а не только к должнику. По этим же причинам риск убытков не совпадает по своему содержанию с институтом расширенной гражданско-правовой ответственности предпринимателей (п.3 ст.410 ГК РФ). Тем не менее степень безусловности, с которой субъекты двух данных правовых институтов обязаны к возмещению имущественного вреда другим лицам, все еще подлежит выяснению.

Сохранение у лица обязанности по предоставлению при отпадении у его контрагента встречной обязанности в силу наступившей невозможности исполнения обязательства является правовым последствием возложения на такое лицо риска неполучения встречного предоставления. Данное обременение соответствует одному из наиболее древних правил мировой юриспруденции, первоначально регулировавшему только обязательственные отношения продавца и покупателя. Разрыв взаимной обусловленности предоставлений сторон договора при применении данного правила стал объектом обширной интеллектуальной рефлексии в пандектистике. Однако итогами поиска обоснований для такого разрыва стала постепенная утрата единого понимания юридического риска и расцвет исследований, посвященных типологии механизмов его перераспределения. В свою очередь, российский правопорядок сохранил терминологическое и структурное единство данного института, что позволяет исследовать его как целостное нормативное явление.

Риск неполучения встречного предоставления с необходимостью предполагает, что стороны обязательства являются одновременно должниками и кредиторами друг друга. В связи с чем целесообразно предположить, что по общему правилу риск убытков обременяет стороны в одностороннем обязательстве, а риск неполучения встречного предоставления – в двухстороннем.

Критерием для выделения именно таких типов риска может являться презумпция того, что неполучение согласованного предоставления представляет для стороны обязательства имущественный вред. Поэтому если такой вред вызван случайными событиями, то все негативные имущественные последствия таких событий данная сторона должна претерпевать сама. В свою очередь, будучи исключением из данного правила, юридически риск обязывает обремененное им лицо возместить такой вред другому лицу за свой счет (в виде убытков, или изначально согласованного предоставления).

При этом общим местом обоих описанных типов риска является то, что устанавливающие их правовые нормы и разъяснения рассматривают риск как специфическую правовую категорию, являющуюся исключением из общего правила о правовых последствиях случайно наступившей постоянной невозможности исполнения обязательства.

Библиография

1. Российская Империя. Законы. Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности [Электронный ресурс] : [Высочайше утв. 2 июня 1903 г.].
2. Законодательство о банкротстве: преемственность и новации / П.Р. Абдуллаева, Н.В. Бандурина, Ю.М. Воронина и др.; отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2023.
3. Нолькен А.М. Законы о вознаграждении за увечье и смерть в промышленных заведениях частных, общественных и казенных : практическое руководство. СПб.: Издание Юридического книжного склада "Право", 1911.
4. Ойгензихт В.А. Проблема риска в гражданском праве : часть общая. Душанбе: Изд. "Ирфон", 1972.
5. Пассек Е.В. Понятие непреодолимой силы (*vis major*) в гражданском праве // Неимущественный интерес и непреодолимая сила в гражданском праве. М.: Статут, 2003.
6. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 6-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2023.

7. Дождев Д.В. Возложение риска на покупателя в классической купле-продаже // Европейская традиция частного права : исследования по римскому и сравнительному праву : в 2 т. / Т. 2: Залоговое право. Обязательство. Договор купли-продажи. М.: Статут, 2021. С. 398-457.
8. Дождев Д.В. Римское частное право : учебник / под общ. ред. В.С. Нерсисянца. 3-е изд., испр. и доп. М.: Норма : ИНФРА-М, 2022.
9. Кнелъц (Капитонова) А.М. Синаллагма в договорном праве // Договоры и обязательства : сб. работ выпускников Российской школы частного права при Исследовательском центре частного права им. С. С. Алексеева при Президенте РФ : в 2 т. / сост. и отв. ред. А. В. Егоров и А. А. Новицкая. Т. 1. Общая часть. М.: Исследовательский центр частного права им. С. С. Алексеева при Президенте РФ, 2018. С. 187-232.
10. Новицкая А.А. Учение о синаллагматическом договоре в римском праве. Контракт Лабеоны // Вестник гражданского права. 2013. № 2. С. 50-59.
11. Осокин, А. В. Распределение рисков при организации строительства // Проблемы строительного права. Выпуск 2: сборник статей / сост. и отв. ред. Н. Б. Щербаков. М.: Статут, 2023. С. 382-428.
12. Пирвиц Э.Э. Значение вины, случая и непреодолимой силы в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2010. № 5, 6.
13. Тололаева Н.В. Комментарий к статье 1080 Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник гражданского права. 2023. № 2. С. 112-144. DOI: 10.24031/1992-2043-2023-23-2-112-144 EDN: MDTTJM
14. Вячеславов Ф.А. Распределение рисков в договорных обязательствах : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 : защищена 14.05.08 / Вячеславов Федор Александрович. М., 2008. 04200811405. EDN: NPKFHJ
15. Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Д-р юрид. наук., проф. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2023. Т. I : Общая часть.
16. Громов А.А., Тололаева Н.В. Обязательственное и договорное право : курс лекций. М.: Статут, 2025.
17. Пляниоль М. Курс французского гражданского права. Ч. 1. Теория об обязательствах. Вып. 1; пер. с фр. и предисловие В. Ю. Гартмана. Петроков: Тип. С. Панского, 1911.
18. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права : учебник; пер. с итал. И. И. Маханькова ; под общ. ред. Д. В. Дожева. М.: Норма : ИНФРА-М, 2022.
19. Стучка П.И. Курс советского гражданского права. В 3 т. Т. 3. Особенная часть. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931.
20. Chr. Filios P. Die Gefahrtragung beim Kauf (§ 446 BGB) im Rahmen des Synallagmas. Berlin: Walter de Gruyter & Co., 1964.
21. Eisser G. Die Gefahrtragung beim Kaufvertrag in rechtsvergleichender Darstellung. Berlin: Julius Springer, 1927.
22. Aksoy H.C. Impossibility in Modern Private Law : A Comparative Study of German, Swiss and Turkish Laws and the Unification Instruments of Private Law. London: Springer, 2014.
23. Pennitz M. Martin Bauer, Periculum emptoris. Eine dogmengeschichtliche Untersuchung zur Gefahrtragung beim Kauf // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. 2000. No 1(117). Pp. 631-635.
24. Wächter C.G. Wer hat bei Obligationen die Gefahr zu tragen? // Archiv für die civilistische Praxis. 1832. Pp. 97-138.
25. Schirmer T. Zur Lehre von dem periculum casus bei Obligationen // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Germanistische Abteilung. 1872. No 1(10). Pp. 70-83.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, понятие юридического риска в современном российском правовом порядке. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им достаточно подробно: "Рассмотрение любой правовой проблемы, которая в том или ином аспекте отсылает к понятию риска, всегда затрудняется неопределенностью самого этого понятия. Перегруженность данного термина множеством внеправовых, и, зачастую, не пересекающихся между собой значений отмечал еще В. А. Ойгензихт, говоря об этой особенности риска как одной из возможных причин отсутствия единого определения данного термина в европейских законодательствах начала XX века [4, с. 5–7]. В то же время в современной российской правовой науке вопрос о дефиниции данного термина достаточно часто не поднимается вовсе. Наиболее характерен этот подход для работ, посвященных узкоспециализированным вопросам гражданского права (см, например, [2],[6],[11])" и др.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Следовательно, можно сказать, что термин «риск» в обозначенном контексте имеет одновременно два значения. Во-первых, «риском» называется угроза наступления таких ситуаций, где кредитор потерпит имущественный вред, состоящий в случайно наступившей невозможности должника осуществить согласованное сторонами предоставление и, следовательно, исполнить договорное обязательство. Во-вторых, под риском понимается и само юридическое обременение, в силу которого закон возлагает на кредитора обязанность самостоятельно претерпевать имущественные потери, возникающий при «материализации» таких угроз, то есть в результате их превращения из гипотетической вероятности в реально возникшие убытки. Как правило, при обсуждении риска и механизмов его распределения немецкоязычными авторами подразумевается именно последнее, более техническое значение термина. Подытоживая, можно сказать, что термин «риск» в данной традиции одновременно описывает определенный тип юридических ситуаций (случайно наступившая на стороне должника невозможность исполнения обязательства, воспринимающаяся как ущерб на стороне кредитора) и, при этом, адресует последствия их наступления конкретной стороне обязательства (кредитору). В таком понимании риск используется для описания отношений сторон всякого взаимного двухстороннего обязательства"; "По свидетельствам В. А. Ойгензихта трактовка риска как критерия привлечения к гражданско-правовой ответственности находила свое оправдание в широко распространившейся к концу XIX века идее, согласно с которой сам факт причинения вреда должен обязывать лицо к восстановлению ущерба. Появление данной идеи было обусловлено не столько развитием представлений о риске, сколько кризисным состоянием учения о виновной ответственности. Предлагаемые классической теорией правовые решения перестали восприниматься в качестве эффективных и справедливых, а неопределенность понятия «вины» ставила вопрос о критериях разграничения гражданской-правовой и уголовной ответственности за причинение вреда"; "Таким образом, последовательное развертывание идей, лежащих в основе учения об объективной ответственности, демонстрирует, что предлагаемая в рамках него трактовка юридического риска не имеет какого-либо единого содержания. Под «риском» в рамках этой традиции имеется ввиду

юридическое обременение, с возложением которого на лицо вне зависимости от наличия в том его вины оно становится субъектом гражданско-правовой ответственности за вред, причиняемый другому лицу. При этом не всегда имеет значение, связывает ли причинителя вреда и потерпевшего какое-либо договорное, деликтное или обязательственное правоотношение вообще. Также учение об объективной ответственности не дает четкого ответа на вопрос о том, возможно ли привлечение обремененного риском лица к ответственности за вред, причиненный обстоятельствами непреодолимой силы"; "Тем самым, обязанность лица, обременённого риском убытков, по возмещению имущественного ущерба другому лицу в действительности, не является частью предусмотренного ГК РФ механизма привлечения должника к ответственности за нарушение обязательства. Единственное, что их связывает, – общность терминологического аппарата, используемого для описания подлежащих к возмещению имущественных потерь (убытков). В остальном же данная обязанность (как и весь институт юридического риска в целом) представляет из себя исключение из общего правила ГК РФ о правовых последствиях случайно наступившей невозможности исполнения обязательства" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. Основная часть статьи состоит из двух разделов: "Основные исторические формы представлений о юридическом риске"; "Юридический риск как элемент российской правовой системы". В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: " Авторы таких работ как правило апеллируют к риску как к интуитивно понятной, самоочевидной и общеизвестной категории, не требующей дополнительных пояснений" - " Авторы таких работ, как правило, апеллируют к риску как к интуитивно понятной, самоочевидной и общеизвестной категории, не требующей дополнительных пояснений" (см. на пунктуацию).

Ученый отмечает: "Первоначальная разработка данного понятия, была обусловлена поисками ответа на вопрос о том, почему в многочисленных отрывках древнеримских текстов последовательно воспроизводится правило, согласно которому покупатель остается обязан заплатить продавцу полную стоимость товара, даже если после заключения договора купли-продажи товар будет случайно поврежден или уничтожен" - первая запятая является лишней.

Автор указывает: "После этого, дискуссия ведется уже лишь о том, какой из этих механизмов в наибольшей мере отвечает интересам сторон и соответствует самой структуре взаимного обязательства" - первая запятая является лишней.

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки и пунктуационные ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Библиография исследования представлена 25 источниками (монографиями, диссертационной работой, научными статьями, нормативным материалом, учебниками, комментарием). С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер в силу направленности исследования. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Понятие риска в современном российском правовом порядке имеет самостоятельное юридическое значение, которое было закреплено в правовой системе посредством нескольких последовательных разъяснений Верховного суда Российской Федерации. Согласно данным разъяснениям под риском следует понимать специфическое юридическое обременение стороны обязательства, в силу которого обязанности такого лица по обязательству не прекратятся с наступлением постоянной невозможности его исполнения вследствие обстоятельств, за которые не отвечает ни одна из сторон. Вместо этого у обремененного риском лица либо появится обязанность возместить другой стороне убытки, причиненные наступившей невозможностью исполнения обязательства, либо сохранится обязанность предоставить изначально согласованный сторонами объект обязательства, невзирая на отсутствие какого-либо встречного предоставления. По общему правилу такие обременения возлагаются на сторону обязательства, находящуюся в просрочке его исполнения. Однако положения ГК РФ об отдельных типах договоров могут устанавливать и иные правила, специальные по отношению к общему. Возникновение у стороны обязательства обязанности по возмещению убытков наступает в результате возложения на нее риска убытков. Конструкция данного юридического обременения наследует разработанным в XX веке теориям риска как предпосылки возложения на лицо объективной гражданско-правовой ответственности, то есть за простой факт причинения вреда. При этом, как показывает системное прочтение разъяснений высшей судебной инстанции с соответствующими положениями ГК РФ, в российском правовом порядке риск убытков не дополняет положения закона, регулирующие привлечение к гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательства. Институт риска игнорирует иные реквизиты возложения на лицо подобной ответственности, а не только наличие или отсутствие вины, и применим к любой стороне одностороннего обязательства, а не только к должнику. По этим же причинам риск убытков не совпадает по своему содержанию с институтом расширенной гражданско-правовой ответственности предпринимателей (п.3 ст.410 ГК РФ). Тем не менее степень безусловности, с которой субъекты двух данных правовых институтов обязаны к возмещению имущественного вреда другим лицам, все еще подлежит выяснению" и др.), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере теории государства и права, гражданского права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования и устранении нарушений в оформлении статьи.